

ЛЕСТНИЦА НА НЕБО

Дым над водой и пламя в небесех.
Я постепенно забываю всех:
вот этот кто-то из Днепропетровска,
с которым много выпито вина,
и эта кто-то там из Люблина,
с интуитивной нежностью подростка.

Особенно она — из Люблина —
изъята из меня, истреблена:
убили, расчленили марсиане;
когда они вошли в её мозги,
как Джими в домик в Новом Орлеане,
там были Дженис и её Макги,

и призраки. А я ещё храбрюсь.
Я, собственно, такая Мини-Русь:
расслабился — и угодил под эго,
и то ль на смертну сечу рвётся рать,
то ль рыбки половить, грибков собрать,
то ль на плохом английском поорать
про лестницу, ведущую на небо.

МАЛЫЕ ГОЛЛАНДЦЫ

Отшуршали наши кисти по холсту —
малого голландца видно за версту.
Мёртвая природа, биты фазаны'.
Вот и отстрелялись наши пацаны.

Малого голландца видно со спины
по стихам со вкусом вяленой слюны.
Приготовил повар муху из котлет —
книгу, череп, глобус. Пачку сигарет.

То ли в Самарканде, то ли в Бухаре,
русскую радистку спрятав в бороде,
сваленной из мягких войлочных антенн,
жив ещё полярник бывший — Эроген.

А над Самаркандом и над Бухарой,
над больной, поникшей долу пахлавой,
над притыком мёртвых слов, проулков, стен
ищет Эрогена лётчик Техноген.

Здесь порой такая ледяная тишь.
Боже, я — Челюскин! Где же ты летишь?
А порой такая гробовая дрожь.
Спасе, Ляпидевский, как ты нас найдёшь?

Скоро ставить ёлку. У меня ОРВИ.
Запытал шпийёнку, далеко ль свои.
- Спятил. Пьёт. Контужен. Амундсен, как скот.
- Что у нас на ужин?
- Битый самолёт.

На соседней льдине с трубками во рту
малые голландцы скрип да скрип по льду.

ВНУТРЕННИЙ ЧУКЧА

Петре Калугиной

В каждом из нас кочует внутренний чукча.
Одни его и не чувят. Иные — чувте
к письмам, что вечный хозяин им сыплет с неба
то этим, то тем из десятка изводов снега.

Когда в океане глыба таранит глыбу,
внутренний чукча тянет за рыбой рыбу.
Титаник неумолимо летит на льдину —
чукча строгаёт мёрзлую оленину.

Внутренний чукча внешне неразличаем,
но заблудившийся путник им выручаем:
в снежной пустыне — внутренней или внешней —
будет согрет счастливец чукчанкой нежной.

Что мне поделать с северною бедою?
Близко я дружен с огненною водою.
Мягкий и трепетный шмат тюленьего жира —
ниц, как душа у врат подземного мира.

Северный бог съедобен и даже лаком.
Я стану свободен, доверив рулить собакам.
Лишь глупый охотник следует за собой,
а мне хорошо здесь — с вороном и совой.

КАК ХОДИТ СНЕГ

снег ходит сединою вниз
висками по земле
цепляясь пальцами красивых белых ног
за ветку провод и карниз
он ходит
пустыней ледяной
внутри промокших кед
сложив собою слой
собою по себе

и он наш блудный сын
наш повредившийся умом несчастный дед
любовница и опыт наживной
и наш один нонконформист

дождь скачет белками
а снег идёт слонами
дождь кратковременный
а снег идёт всегда
интересуется а не москва ль за нами
ну да

МОЛИТВА БЕДНОГО РУССКОГО

Дал бы нам Господь пожить посерёдке —
пусть без песен райских, зато на ветке.
Без залома чтобы — не как селёдке,
и не к водке — к пиву чтоб, как креветке.

Чтобы мир с войной объяснились мирно
и потом разъехались бизнес-классом,
чтоб любовь заквашивалась кефирно,
чтобы ипотечила средним квасом.

Чтобы отвернули от нас татары,
не клевали клювами крестоносцы.
Чтобы мы, мошенники и каталы,
не плевали в крохотные колодцы.

***

Я забыл, как звали ту, с которой
в гнилом Нeskучном, при луне
мой сокурсник, связанный с конторой,
ревностно встречался обо мне.

Мой куратор тоже как-то звался.
Как-то звался, только я забыл.
Я боялся, но не признавался,
лишь того, нескучного топил.

На Тверской был флэт конспиративный,
старый дом, из кухни чёрный ход.
Там теперь клиент корпоративный
питерский строительный живёт.

ПАМЯТНИК ГОГОЛЮ

Щенки от суки чужой войны
и кобеля ясна сокола.
У каждого по две головы
как минимум, как люблю.
Но щенки тяжело больны
восхититом высокого —
в канаве средь пожилой травы
я их, как в себе, топлю.

Всякий раз, когда мы с тобой,
видимся подле кулера,
под здоровым сердцем скулит
нездоровый щенок.
Снег летит за моей судьбой
в Тропарёво-Никулино.
Дух летит, там где свет горит —
иногда между ног.

Ты ж прости меня, голубя
Вертухая Насильбича,
что на голову Гоголя
Николая Васильбича.

МОЛОКО

Вот толком и не пил из этой фляги —
ну самое большое три глотка,
а детский сад и пионерский лагерь
ушли единым лотом с молотка.

Теперь живу — меж пультом и попкорном
седой бифштекс и прерванный гопад,
и мальчик с навсегда отбитым горном
ожившим пальцем, от мороза чёрным,
показывает дяде фак-расфак.

Вот женщины мне машут, словно флаги —
на День благодарения — бедняги —
повешены из каждого окна.
Вот толком и не пил из этой фляги,
а эта фляга выпита до дна.

Недалеко от бритого затылка,
от поротой спины недалеко
молотит и молотит молотилка
и лезет сепаратор в молоко.

Заправлена казённая простынка,
заиграна солдатская юла,
заела толстых битлсов пластинка,
корундовая сточена игла.

РЕКА

... но кто я, будда меня секи,
чей стон у меня в рожке?
И если нет рыбака в сети,
то что там, вниз по реке?

К чему здесь гончак — окрылён и борз,
охотники и олень,
когда под копытами стёрся ворс,
кончается гобелен?

Контессы, епископ, рыбаки в реке.
Любовники и враги.
Но, если вместо рожка в руке
нет никакой реки...

КОРОЛЬ КОЗЛОБОРОД

От улицы Коровий Вал
до Сретенских Ворот
на белом джипе гарцевал
король Козлобород.

Дудели простенький мотив
гаишники в рожки,
и солнце, как дистрибутив,
грузилось вдоль реки.

Тарам-парам, парам-тарам,
держи его, держи!
По тротуарам и дворам
уходит вечный джип.

Любовь лежит, как бутерброд,
у ног, где реагент.
А я голодный нищеброд,
отчисленный студент.

ФЛОТ

Когда нас вызовет на суд
прокрастинатор-крот
и скажет: «Там, и сям, и тут
вы виноваты вот и вот»,
нас четвертуют и запрут,
и наши имена сотрут
и с воздушней, и с вод —

тогда на выручку придёт
из жарких нулевых широт
волшебный русский флот.

Босой ногой, как зимний дым,
ощупывая лёд,
ощерясь Пушкиным седым,
в темницу он войдёт,
и нам, за Мезенской губой
непозванным к столу,
нам с нашей чувственной губой,
раскатанной к теплу,
он протрубит: «Проснись и пой,
и пой «Прощай, Лулу!»

То не Вертинский нам поёт —
то вертится великий Пётр,
предательский наш дух.
Он виноват, он признаёт.
Он отнесёт наш Питербурх
на юх, на юх, на юх.

Там наши почва и судьба
под тёплой волной
голы до дна, вот стыдоба,
развяжутся с войной,
и мы, как птицы кораблей,
стрекозы субмарин,
наевшись соли и соплей,
над миром воспарим.